

НАТАЛЬЯ БАКЛИНА

ПРИВОРОТ

История первой любви

(с) Наталья Никифорова. М 2019

12+

Наталья Баклина

Приворот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42567399

SelfPub; 2019

Аннотация

Казалось бы, простая практическая работа по зельям и противоядиям. Все рассчитано, всё предусмотрено. Но жизнь внесла свои коррективы, и что теперь делать Мийке с потерявшим голову обожателем – оч-чень большой вопрос...

©Наталья Баклина

ПРИВОРОТ

– И что мне с тобой, убогим, делать?

Убогий сделал лицо «Всё, что хочешь!»

У него оно вообще было очень выразительным, это лицо.

И даже красивым. Мийка иногда даже заглядывалась и удивлялась, как в одном человеке сочетаются такая красота и такое высокомерие. Но сейчас эти глаза напротив с восторженным обожанием во взгляде бесили её неимоверно.

Она понимала, что винить некого, даже Богов Всевышних, которые по-своему распорядились всей её хитрой комбинацией. Богам точно некогда снисходить до чьей-то там практической работы по зельям и противоядиям. Сама она всё накрутила и виновата сама. Но этот Бертран, заноза её жизни, встрявший так не вовремя, отвлекал от самокопаний и злил, злил, злил.

– Да Тёмный Хох! Не хватало ещё ногу подвернуть! – вернул её в реальность корень ползучего ясеня, нахально перепавший тропинку. Что-то она от злости вообще потеряла контакт с лесом!

– Солнышко, я тут! Давай, понесу тебя на руках? – метнулся к ней предмет её злости. И даже руки трепетные протянул, готовый подхватить.

– Да отстань от меня, придурок! – завопила Мийка. И, наконец, разрыдалась.

Что делать, что делать, что делать? Что делать с этой ду-

рацкой ситуацией, в которую она себя загнала своими собственными руками?

– Миечка, Миечка, ты что? Тебе больно? Ножку ушибла? Сердце моё скажи, что случилось? Я всё для тебя сделаю, я жизнь для тебя положу! – засуетился вокруг неё Бертран.

– Лучше место для привала найди, я устала. И подумать надо, – всхлипнула Мийка. Сколько он ещё таким пробудет? Три дня? Надо приспособиться и перетерпеть.

Ещё вчера, да что там, – ещё сегодня утром идея с приворотным зельем казалась классной и безопасной. Три капли в питьё княжича Михая, час его симпатии и интереса, затем Мийка поджигает стебелёк пробудись-травы, и очарованность княжича тут же проходит.

Нормальная практическая работа: приворотное зелье, испытание в полевых условиях с соблюдением техники безопасности для испытателя и испытуемого. И до стадии приёма зелья собственно испытуемым всё шло прекрасно. Она продумала рецепт приворота: никакой страсти, вот ещё! Только романтика! За образец романтики взяла мечты о прекрасном принце у своей подружки Линки...

Линка по части романтики была просто экспертом: когда и как Он должен вздыхать, брать за руку, петь серенаду, вставать на колени, носить на руках, клясться в вечной любви. В какой последовательности бросать к ногам дамы своего сердца себя, свою жизнь и весь мир в придачу, – Линку на этот

счёт подробно просветили любовные романы, она читала их пачками. А потом после каждого вздыхала: бывает же такая невероятная любовь!

Вот Мийка и подхватила, видимо Линкины мечтательные флюиды, раз задумала сделать романтическое приворотное зелье для княжича Михая... Рецепт продумала, составила и описала. В слабой концентрации испытала на соседе Марике – он как раз очень кстати забежал к ним в комнату выпросить записи по травам и чаю попить. Марик согласился побыть испытуемым, честно минут десять говорил Мийке, что она невероятная красотка и пытался сложить в её честь сонет. После запаха пробудись-травы долго ржал над теми строчками, что успел нацарапать на клочке бересты и вместе с Мийкой сожалел, что испытание на коллеге-студенте не засчитывается. Потому что на нём эффект от её зелья проявился просто идеально: разгильдяй Марик был абсолютно не романтичным, стихи никогда не сочинял, ни под чьими окнами не вздыхал. И вообще встречался с подавальщицей Марийкой из таверны у ворот, которая его кормила и опекала без стихов и серенад.

Но стоило Мийке устроить всё всерьёз, как вмешался этот Бертран, Хох его возьми! Лучший друг княжича Михая, надменный и презрительный тип.

Бертран всегда смотрел на Мийку так, что в его холодном взгляде и чуть брезгливом изгибе губ она чётко считывала

насмешку и лёгкое презрение «А что тут делает это недоразумение»? Отчего напрягалась, злилась и начинала язвить. Это ещё надо разобраться, кто из них недоразумение! И вообще, она дружна с княжичем, а не с этим задавакой!

С Михаем Мийка познакомилась семь лет назад. Ей было одиннадцать, юному княжичу – двенадцать. Его привезли к ним в лесной дом, чтобы княжич восстановился после долгой болезни. Он где-то подхватил лёгочную гниль, целитель из терема её сразу не распознал, лечил как простую простуду. И когда позвали старую Берту, Мийкину бабушку, княжич уже болел тяжело и всерьёз. Бабушка Берта его своими травками выходила, беду отвела. Но чтобы парень совсем окреп и даже следа хвори в нём не осталось, нужно было ещё сорок дней поить его настоями из трав, которые полагалось сорвать и заварить сразу же. Заварить и тут же выпить, иначе они свои свойства теряли. Вот и привезли Михая к ним в лесной домик, к травам поближе.

Мийка очень чётко помнила, как это было. Она как раз бегала за земляничкой в рощу за пригорком, вернулась – тусок с верхом. Вошла в дом, а там у стола – бледный носатый мальчишка, а рядом – дядька Грид. Имя его Мийка после узнала, а тогда – просто дядька в возрасте. Коренастый, крепкий, с живым ироничным лицом, судя по кожаному доспеху – воин. И бабушка ставит перед ними кружки с взваром, угощает.

– Вот, Михай, и подружка по играм тебе нашлась, – сказал

тогда дядька, одобрительно оглядев туесок с земляникой. – Покажет тебе здешние ягодные места. А я посмотрю, как тут с охотой!

– Тут нельзя охотиться, господин Грид – сказала тогда бабушка Берта, пересыпая землянику в глубокую миску и ставя миску гостям на стол. – Место от крови заговоренное.

– Как это? – удивился дядька.

– Сила древняя тут разлита – пожала плечами бабушка. – Если кто недоброе задумал, даже просто оленя подстрелить или птицу какую, его просто вышвырнет из окрестного леса.

– А куда вышвырнет? – заинтересовался дядька Грид.

– Да куда подальше. Знаю охотников, кого аж за Ветлянку забрасывало, в дальний бор. Три дня потом домой добирались.

– А травы, значит, можно рвать? И вон, ягоды? А рыбу ловить можно? – вмешался в разговор мальчишка.

– Можно! – кивнула бабушка. – Если без жадности, злости и с лёгким сердцем. Если точно на пользу берёшь, а не зря чужую силу тратишь, то и дичи можно взять себе на еду. А вот если недоброе на сердце, – травы и ягодники тебе просто не откроются.

«А ещё, если попросить, Древняя Сила Изначальная может снять любые чары» – мысленно добавила Мийка. Но вслух говорить не стала – это их с бабушкой знахарский секрет, кому попало секреты не выбалтывают. Даже таким вот носатым княжичам с вдруг загоревшимся взглядом.

– А ты мне покажешь, где тут на Ветлянке рыбные места? – спросил он, и Мийка кивнула.

– Я тебе и нору лисы покажу, с выводком. Только там нужно будет затаиться и долго сидеть, пока лисята выйдут.

Это было пять чудесных дней. Они с Михаем и дядькой Гридом обошли все окрестности, отметили все ягодники, все рыбные места и норы лисы и барсука. Мийка показала, где живут совы и где гнездятся соловьи. Показала травку, которая миглом снимает любую усталость, и травку, которая насылаёт сон. Они даже как-то костёр развели и пекли корни лопуха – Михаю понравилось.

Михаю все понравилось: и ходить по звонкому лесу, и передразнивать птиц, и таиться по кустам, наблюдая за зверьём. А вот дядьке Гриду это быстро надоело. Он сказал, что в таком безопасном месте, хранимом Древней Силой, ему, телохранителю, делать нечего. Тут, скорее, нужен товарищ по играм. Сказал, исчез, а через три дня в их домике появился Бертран.

Ему было четырнадцать, он сразу записал Мийку в малявки и начал отравлять ей жизнь. «Лисья нора с лисятами – развлечение для сопляков и девчонок», – заявлял Бертран, – «А воин и охотник будет искать волчье логово!» Волчьего логова поблизости не было, барсуки его тоже не впечатлили, и Бертран придумал игру в следопыта, куда «девчонок не берём, иди, ягодки свои собирай». Мийка тогда рассердилась и специально им следов наплела так, что следопыты заплу-

тали и до ночи ходили по кругу, пока не вмешалась бабушка Берта и не сняла плетение.

Омут у берега Ветлянки, где резво клевали крупные караси, задиристый товарищ княжича Михая назвал мутной лужей с головастиками. Сказал, что настоящие добытки на такую мелочь и не посмотрят. И что он обязательно поймает сома, да такого, чтобы в полтора своего роста! И надо было видеть его взгляд победителя, когда на крючок попало что-то увесистое, вдвоём тянуть-не вытянуть! Вытянули всё-таки. И надо было видеть его глаза, когда увесистое оказалось мешком с мокрой шерстью. Видимо, Ветлянка где-то слизнула с берега, в омуте припрятала. А великие рыбаки – достали!

Ох и разозлился тогда Бертран! И почему-то на Мийку разозлился, хотя она была совсем не при чём. Разве что пожелала от души, чтобы мальчишки выловили что-нибудь полезное. А шерсть оказалась полезной и очень пригодилась: бабушка Берта её высушила, расчесала и спряла. А Мийка потом к зиме себе и ей носков навязала.

Прозрачный светлый березняк возле дома, где Мийка учила Михея узнавать по голосам птиц, Бертран решил использовать для борьбы и стрельбы. И даже не возражал, чтобы Мийка посмотрела его с Михеем разминку. Впрочем, как только Михей выбил у него меч, Бертран закричал, что это она виновата, отвлекает, и нечего тут глазеть и мешать настоящим мужским делам! Поэтому как мальчишки стреля-

ли из лука, Мийка не видела. Зато слышала, как ворчала вечером бабушка Берта: эти умники в качестве мишеней решили использовать стволы берёз, и через пару метких попаданий их луки вдруг рассыпались в труху, стрелы просыпались на землю... и проросли новыми молодыми побегами. «И что это вы надумали, по живому из озорства стрелять! – ворчала бабушка Берта. – Вам что, сухостоя мало, что ли? Вот и вмешалась Сила-Берегинюшка, вас образумила. Скажите спасибо, тут оставила, за Ветлянку, в дебри и чашу, не зашвырнула!»

«Спасибо», – буркнул тогда Бертран, зыркнув при этом на Мийку. Как будто это она – Берегинюшка и вмешалась – она.

В общем, с появлением Бертрана жизнь в лесном домике перестала быть спокойной и размеренной. И сама Мийка перестала быть безмятежной – она просто не понимала, что в ней такого, что Бертран каждый раз кривит губы «Девчонка!» Ну, девчонка, и что с того? Ходить на дальние делянки за поспевшей сладкой малиной и приносить полные туюски это ей не мешает. И княжич Михай малину с мёдом любил, ест с удовольствием. Но по ягоду с ней уже не ходит – с Бертраном на палках бьётся, упражняется в ловкости. Карасей приваживать и вылавливать на жарёху ей девчачий подол тоже не мешает. А караси в сметане получаются вкусными, румяными! Михай ест, да нахваливает. Бертран тоже ест, но как одолжение делает. А на омут после того улова с шерстью больше не ходит.

Слышать птиц, наблюдать за лисятами, распознавать травы и находить тропы «девчоночья» принадлежность Мийке не мешала абсолютно. И почему это вдруг стало поводом для Бертрана отодвигать её от княжича, Мийка решительно не понимала. На палках не может драться? Так ей и не надо. Не воевать же она готовится – исцелять. А дружить с Михаем ей нравилось: он так искренне радовался всему новому, что видел! И Мийке тоже было радостно делиться с ним всем, что у неё было в этом лесу: утренними зорями и туманами, птичьими песнями, свежей, в росе, малиной, диким мёдом, которым одаривали пчёлы, родниками с целебной водой.

Мийка бы и с Бертраном делилась, ей не жалко. Но тот презрительно кривился «девчонка!», и она закрывалась в ответ.

Она даже у бабушки Берты спросила, почему так. Почему с княжичем она подружилась, а Бертран её не принимает, как будто она – лишняя. «Сложно мальчику, ревнует», – непонятно ответила бабушка. – «Пусть они дружат себе, им нужно, Бертран ему всю жизнь верным будет. А ты не обижайся – у них своя жизнь и своя ноша. Помогли мы с тобой Михаю – вот и ладно. Видишь, как выправляется паренёк? Уедет, и всё будет у нас по-прежнему».

А Михай и вправду к последней неделе жизни в лесном доме окреп, подрос и уже мало напоминал бледного носатого мальчишку, которого увидела Мийка месяц назад. И когда к сороковому дню за мальчишками приехал дядька Грид, он

так и сказал бабушке Берте: «Чудеса! Оставлял птенца, забираю сокола! Знаешь своё дело, старая Берта, князь будет доволен!».

Грид увёз с собою мальчишек, но по-прежнему жизнь в лесном домике не пошла. Князь Власий, отец Михая, увидев полностью здорового и окрепшего сына, позвал бабушку Берту в княжеские целительницы. В терем жить позвал. Бабушка согласилась с условием, что служба её князю – на десять лет. Что живёт она в тереме только зимой, а летом – в лесу. И когда Мийка подрастёт, ей быть княжеской целительницей. Власий условие принял, но велел Мийку, как в возраст войдёт, отдать учиться в Школу магии и целительства. Чтобы к бабкиной лесной науке и другую премудрость взяла.

В возраст Мийка вошла в пятнадцать лет. А до того жила на два дома: то в тереме, то в лесном доме. И в тереме ей было по-своему интересно. Пусть тут не было полянок и птиц, зато были девчонки-подружки и интересная девчоночья жизнь с гаданиями, рукодельем, песнями, хороводами. И сердечными привязанностями к парнишкам из княжьей дружины. Мийка сердечными привязанностями не маялась, хотя на суженного как-то погадала. Но ничего не поняла: брошенная за ворота обувка повернулась носком к конюшням.

– Жеребец тебе жених! – хохотали девчонки. – Или конюх Авдей, тоже знатно!

– Да ну вас, глупости всё это, – не обижалась Мийка. Ко-

ных Авдей был крепким пожилым дядькой, слегка хромым после давнего падения с лошади. А второй конюх, Бронька, был слегка блаженным, очень любившим лошадей и живущим только конюшней.

Глупой она себя почувствовала чуть позже, когда выско-чила за ворота подобрать свой сапожок и в который раз на-ткнулась на ироничный и холодный взгляд Бертрана, – они с княжичем как раз вернулись из поездки и спешили в воз-ле конюшни.

Княжич Михай и его неизменный спутник Бертран теперь в её жизни были постоянно. Она сталкивалась с ними в тере-ме, иногда смазывала им синяки и ушибы выданной бабуш-кой мазью. Как-то даже заваривала грудной сбор для княжи-ча, подхватившего где-то простуду, – всерьёз княжич после того случая, слава Богам, не болел. Мийка вместе с девчон-ками иногда смотрела в окна, как упражняются парни на ме-чах – Михай и Бертран были лучшими из всех. На состяза-ниях смотрела, как соревнуются князьи воины в меткости – и тут лучшими были княжич с его другом.

В тереме Мийка научилась вышивать затейливо, и ей по-нравилось вплетать в узоры цветы и листья, какие росли в её лесу. Рубахи и юбки она научилась себе шить красивые, нарядные. В своих нарядах и в хороводы вставала, что дев-чонки водили на праздники. И когда водила вместе с ними, Мийке становилось как-то по-другому хорошо, не так, как в лесу. Девчонки ещё пели на разные голоса, и Мийка тоже

пела, и будто наполнялась другой силой, не той, что в лесу возле бабушки.

А потом были кадрили, и смешливые глаза парней. Она часто вставала в кадрилях с Михаем. И никогда – с Бертраном, потому что кто же пляшет с недоразумением...

И ещё был случай, когда Мийка схлестнулась с Бертраном.

Парни тогда вернулись с охоты княжьем выездом. Добыли оленя, птицы настреляли, и даже привезли волчью шкуру. Охотники выглядели гордыми и довольными, а Бертран вдруг впервые за всё время взглянул на Мийку вопросительно:

– Мийка, посмотри. Поможешь выходить?

И достал из-за пазухи волчонка. Маленького, едва глазки открылись, сосунка.

– Ты что, волчицу убил?! – мигом взвилась Мийка, вспомнив волчью шкуру. – Да как ты мог живодёрничать, нельзя маток стрелять! Боги тебя накажи!

– Я не убивал, – скривил губы Бертран, превращаясь в привычного Мийке гордеца. – Сама издохла.

– Он не убивал – вступился за друга Михай. – Волчица в ловушку чью-то попала, мы уже мёртвую нашли. И логово нашли. Из трёх волчат один выжил. Поможешь выходить?

Мийка охнула, виновато взглянула на Бертрана. Но тот всё так же кривил губы: «Девчонка!».

А из того волчонка вырос красивый зверь, и через год они

отпустили его в дальний лес.

За воспоминаниями прошёл примерно час. Она бы и дальше вспоминала, но отвлекла какая-то возня по соседству.

– Ты что делаешь, горяшко? – ахнула Мийка, обратив, наконец, внимание на своего очарованного спутника.

– Сонет! – громко объявил Бертран, примостившись, наконец, на одно колено между ближайшими лопухами. – Тебе одной служить готов я, тебя прекрасней в мире нет! Хочу найти такое слово я в свой задуманный сонет, чтобы оно всю страсть и нежность, и как тебя боготворю, сумело выразить! Безбрежность и силу чувства: я люблю. Люблю тебя, твой стан и очи, твой смех и блеск твоих ланит...

– Бертран, ты очумел? – тряхнула головой Мийка. – Какие, к Хоху, ланиты? И что это ещё такое, где они у меня?

– Вот тут – замороженно потянулся к её лицу Бертран, и Мийка хлопнула его по руке, чтобы не трогал.

– Все эти дни и эти ночи меня к тебе одной манит! – с энтузиазмом продолжил влюблённый. – К твоим глазам, к твоей улыбке, твой голос – словно ручеёк. Прошу, прости мою ошибку, что раньше выразить не мог всю силу трепетного чувства, всю силу искренней любви. Изображал я равнодушие, когда молился «Позови! Ты позови меня хоть взглядом, хоть жестом! Я к тебе – приду! К твоим ногам...

– А также заду, я непременно припаду, – мрачно досочи-

нила Мийка.

«Интересно, что же из состава дало такой эффект? – думала она, перестав слушать перечисление частей своего организма и то, как они влияют на настроение автора. – Будыльник или лисья дудка? Лепестки лютеия вряд ли тут действуют, они всего лишь снижают уровень критического восприятия. Хотя с критическим у Бертаран сейчас тоже не очень»...

– Позволь к ногам твоим припасть! – закончил сонет Бертран и попытался схватить Мийку за руку.

– Это – рука! Ты уже определись, куда припадать будешь! – отползла от него Мийка и поняла, что трёх дней она не выдержит. Эх, была бы тут бабушка Берта! Она бы помогла обязательно! Но бабушка сейчас наверняка в тереме, а Бертрана в терем вести нельзя...

Мийка вспомнила их лесной домик, с пучками трав под крышей, весёлой расписной печкой и деревянным выскобленным полом. Любимое место, с Силой-Берегинюшкой... Точно, Сила Изначальная чары снять может... Значит, им – туда.

Травы для своего приворотного зелья Мийка выбирала тщательно. Чтобы голову вскружили, обожание вызвали, предмет обожания приукрасили, критичность восприятия снизили. Божья роса, мелкие белые цветочки, должна была поддерживать лёгкую эйфорию. В общем, ничего вредящего или подчиняющего. Подчиняющие зелья в их школе изуча-

ли в следующем году, их испытывали только на добровольцах, с контролем со стороны преподавателей и обязательным нейтрализующим составом под рукой. И состав Мийка такое зелье, ей бы не то что работу не зачили – могли из школы выгнать с запретом на практику. Но и без этого Майка бы не стала – не в её характере подчинять. А вот посмотреть, как поменяется человек из-за романтического настроения, она хотела.

Вот и шла теперь по лесу, маялась из-за избытка романтики. Бертран преданно шагал рядом, пытаясь завладеть её рукой.

– Ты зачем из чужой кружки пил, дурень, – вздохнула Мийка, в очередной раз отбирая руку и полагая вопрос риторическим. Что Бертран сможет ей объяснить, пока ходит таким влюблённым дурнем?

– Жарко было, – тем не менее, ответил Бертран, влюблённо глядя на Мийку. – Какая ты всё же красивая!

– А проснись-траву мою зачем отобрал?

– Лорда задобрить! – всё так же умильно глядел Бертран – Век бы тобою любовался!

Лордом был жеребец Бертрана. Он внезапно закапризничал, и с этого момента всё пошло не так.

Мийка всё продумала досконально. И даже в свою тетрадку по практической работе записала: «Готовый состав был подан испытуемому в виде добавки в квас». Так и планиро-

вала: вот Михай возвращается с утренней выездки. Как всегда по жаре просит напиток, и Мийка подносит ему кружку с квасом. Княжич выпивает, через несколько минут состав начинает действовать, какое-то время, не дольше часа, Майка наблюдает за влюблённым Михаем, всё запоминает, чтобы записать в тетрабочку. А потом поджигает стебель проснись-травы, княжич вдыхает запах и стряхивает свою влюблённость.

На деле же, когда парни вернулись и спешили, Михей не стал просить квасу. Они вместе с Бертраном начали успокаивать Лорда, который чего-то перепугался на прогулке. И даже теперь, когда они вернулись и спешили, нервно перебирал копытами и отказывался подпускать к себе конюхов. Мийка же, согласно плану, уже вышла к ним с кружкой кваса в одной руке и пучком проснись-травы в другой – приготовилась.

– Ну, что же ты, тихо, тихо, – бормотал Бертран своему жеребцу, поглаживая его по шее, а тот раздражённо мотал головой.

– Сухарь есть? – заметил он Мийку, та тоже помотала головой. – А это что за трава?

Она и сообразить ничего не успела, как парень выхватил из её рук пучок проснись-травы, понюхал. Кивнул головой, мол, годится. И не успела Мийка и слова сказать – предложил своему жеребцу.

Лорду трава понравилась, он мигом схрупал весь пучок,

лишая Мийку заключительной стадии её плана. «Придётся переносить опыт» – подумала она, досадуя, что придётся заново настаивать семь трав. А Бертран, выдыхая радостно, что конь успокоился (Ещё бы! Проснись-трава любой морок и испуг вмиг снимает!), выхватил у Мийки кружку:

– Что тут у тебя? О, квасок! – и осушил её в три глотка.

И через три минуты превратился во влюблённого идиота.

И когда Мийка сбежала из терема, чтобы никто не догадался, что она натворила, этот идиот увязался следом.

Самое ужасное, что она абсолютно не понимала, почему приворотное зелье дало такой эффект. Когда она планировала эксперимент с Михаем, то рассчитывала, что княжич просто будет с ней любезен. Ну, скажет пару комплиментов, обратит чуть больше внимания, чем всегда. Ну, увидит, что Мийка не прежняя босая лесная девчонка, которая показывала ему лисят, а девушка с косой до попы и в вышитом сарафане. И всё! Ей было бы достаточно. А у Михая после этого испытания осталось бы воспоминание, что он был романтически настроен, и что Мийка вызвала в нём симпатию. И всё!

Но Бертрана зацепило гораздо крепче. И хотя никаких непотребств он не вытворял (непотребства и страсть провоцируют совсем другие травы, их объясняют в конце последнего года обучения), что-то подсказывало Мийке, что просто воспоминаниями о симпатии дело не закончиться. Она даже

думать боялась, что будет помнить, и как будет кривить губы Бертран, когда очнётся. Хотя, если сбор так неожиданно действует, может, и к лучшему, что Михаю не достался? Гораздо больше было бы беды!

До лесного домика они дошли к вечеру. Бабушка Берта, к Мийкиному счастью, оказалась дома: чуть дымилась труба, на заборе висели-сушились пёстрые половички.

– Бабушка, бабушка, как хорошо, что ты тут! Мне помощь нужна! – метнулась Мийка через порог, радуясь, что сейчас её приключения закончатся.

– Приветствую вас, сударыня, – шагнул следом Бертран и склонил голову в вежливом поклоне. – Позвольте просить у вас руки вашей внучки.

– Что? Ты совсем ополоумел? – ахнула Мийка. – Бабушка, ты видишь?

– Жениха твоего? Вижу, – вытерла руки полотенцем бабушка. Внучка отвлекла её от готовки. – А в чём вам помочь?

– Не нам, а мне, – шмыгнула носом Мийка. – Всё слишком далеко зашло. Теперь он ещё собрался на мне жениться.

– Миечка, я у твоих ног! Ты – мой счастье, свет очей моих, смысл моей жизни. Люблю тебя моя отрада, желанный свет моих очей! Мне больше ничего не надо, лишь знать, что больше не ничей! Я твой, я твой навек отныне, люби меня, как я тебя! Никто желанья не отнимет всю жизнь прожить, тебя любя!

На последних строках Бертран встал на одно колено и сде-

лал руками убедительный жест: левая к сердцу, правая в сторону предмета обожания.

– Да, действительно, – покачала головой бабушка, рассматривая композицию «влюблённый персонаж». – Помощь нужна, и в первую очередь юноше. Что с ним такое?

– Я его приворожила! – разревелась Мийка. – Я не хотела! Я Михая хотела, а этот выпил!

– Так, стоп, внучка. Ничего не поняла. Ты хотела приворожить княжича? А зачем?

– У нас практическая работа, зачётная!

– Княжичей привораживать?

– Да нет же, по зельям и противоядиям! И я придумала приворот, лёгкий, романтический. Ну, чтобы только комплименты и немножко стихи. А потом проснись-траву дать понюхать, и всё сразу проходит.

– Но у Бертрана, как вижу, не прошло, – кивнула бабушка в сторону парня, который примостился в ногах у Мийки и опять пытался взять её за руку.

– Да он вообще влез, когда не просили! – вскинулась Мийка, отбирая руку. – Проснись-траву скормил своему жеребцу, кружку с квасом выхватил и выпил, как будто ему готовила! Вечно он мешает мне, с первых дней, как влез между мной и Михаем!

– Эй, девочка, посмотри-ка на меня! – бабушка взяла Мийку за подбородок и повернула к свету. – А почему ты решила сделать именно приворотное и именно для Михая?

– А для кого ещё? – дёрнула плечом Мийка. – Зелья обязательно нужно проверять на посторонних и описывать их действие. Иначе – не зачёт.

– Ну не знаю. Полон терем парней! А ты выбрала княжича... Почему?

– Ну...

А и правда? И почему именно приворотное она решила делать? Вон, Линка сделала отвар, отшибающий аппетит: раз выпил, неделю на еду не глядишь. И пошла его испытывать на Марийке-подавальщице из трактира у ворот. Та только и рада: надоело всё время жевать и толстеть, а при такой работе только так и получается.

А Валюнка из их группы сделала зелье, которое вызывает веснушки по всему телу. А когда после того выпиваешь противоядие, кожа становится чистая-чистая, даже свои родные прыщи и конопушки исчезают. И тут же нашлись добровольцы из горожанок, чтобы зелье испробовать и помочь Валюнке с зачётом.

А Мийка выдумала приворотное, да ещё дать его хотела тайком, не предупредив Михая. Чтобы он что? Чтобы он, наконец, отвлёкся от этого своего Бертрана и заметил её, Мийку.

– Я хотела, чтобы он меня заметил, – прошептала она.

– Он тебе люб, что ли? – нахмурилась бабушка.

– Люб? – Мийка прислушалась к себе. Хотела бы она, чтобы Михай вот так слагал для неё дурацкие стихи, вздыхал и

хватал за руку? Нет, никогда. А просто находил иногда взглядом? Да!

– Не люб, – помотала она головой. – Но он меня почти не замечает, как будто мы и не дружили никогда.

– Ах вот оно что, то первое лето тебя никак не отпустит, – кивнула бабушка. – Вы тогда хорошо дружить начали, а Бертран тебя в сторону отодвинул. Неужто до сих пор обидно?

– Кажется, да... – прислушалась к себе Мийка. Где-то в горле ощущался комок.

– Проглядела я, – вздохнула бабушка и провела ладонью перед Мийкиными глазами, после стряхивая руку над печкой. – А теперь обидно?

Мийка опять прислушалась... Горло было свободным. И на сердце легче стало.

– А теперь не обидно, нет! Пусть себе с Бертраном дружит, у меня в Школе друзья есть!

– Миечка, солнышко, свет очей моих – пробормотал Бертран. Оказывается, пока они разбирались с Мийкиными мотивами, жертва приворотного эксперимента уснула, привалившись к её коленям.

– Бабушка, что мне с ним делать? Без противоядия он ещё два дня таким ходить будет. А что потом подумает, когда очнётся, и представить боюсь! У тебя осталась проснись-травка?

– Нет. Старую я уже извела, новая в силу войдёт только в полнолуние.

– Через неделю, – вздохнула Мийка. – Это ещё дольше

ждать...

– Миечка, не надо ждать, – проснулся Бертран. – Я готов просить твоей руки у бабушки прямо сейчас! Благословите нас, многоуважаемая Берта, и мы пойдём к князю, пусть венчает!

– Бабушка – взвизгнула Мийка, – Ты видишь? Оно всё хуже становится! Он сначала улыбался и вздыхал, потом начал стихи дурацкие сочинять, а теперь под венец собрался! А может у него вообще скоро романтический настрой закончится, и он кидаться начнёт!

– Ну, ну, не начнёт! Ты красную пузырчатку в состав не брала? А что брала?

Мийка быстро перечислила – сколько раз состав вспоминала, прикидывая, в чём ошиблась.

– Не с чего там кидаться. Если только он сам тебя хотел, без приворота.

– Он? Меня? Да ты что! – изумилась Мийка. – Да он всегда смотрит на меня, как на вошь на гребешке! Как на досадное недоразумение! Как... как... Как на девчонку!

– Ну, ты уже давно не девчонка, в самую пору вошла, цветёшь, – не согласилась бабушка. – Ну да ладно. Давай-ка его спать положим вон там, на лавке. А сами пойдём в лес Силу – Берегинюшку за тебя просить.

– Ой, точно... – вспомнила Мийка. Она же так и хотела. У Древней Силы этого места есть свойство чары и проклятья снимать, если правильно попросить да повиниться. И были

ведь случаи, бабушка рассказывала, когда девка в силе по глупости чего наворожит или в сердцах пожелает, а потом опомнится и бежит сюда, в рощу виниться и просить всё исправить. И исправляется.

Мийка-то не в сердцах и совсем не по глупости, а для практической работы... Ладно, чего там. По глупости. И не вмешайся Бертран, кто знает, как бы она сейчас отбивалась от княжича и что объясняла его свите.

– Матушка-Берегинюшка, Сила древняя, Исконная – шептала она час спустя, поворотившись лицом к востоку. Бертран был оставлен на лавке и спал с невероятно счастливым лицом. А они с бабушкой пришли в светлый березняк просить Силу о помощи.

– Сила Древняя, Исконная, помоги расплести напутанное, исправить испорченное, прояснить смутное, выправить кривое. Сними с Бертрана мой приворот, путь он придёт в сознание ясное, чувство чистое, из души идущее. Убери морок, оставь чистый свет!

И поклонилась поясным поклоном до самой земли, на все четыре стороны.

Лёгкий ветерок прошелестел по верхушкам берёз, и Мийке полегчало: услышала её Древняя Сила. Ну всё, кончился этот безумный день. Завтра Бертран проснётся прежним надменным чучелом, да и пусть. Всё лучше, чем этот глупый взгляд и бездарные сонеты.

А зелье придётся новое придумать. Как бы до зачёта успеть!

Утром Мийка проснулась от шума за окном. Кто-то умывался холодной водой и громко фыркал от удовольствия... Кто-то? Да это Бертран проснулся! Снят приворот? Подействовало?

Она быстро поднялась, накинула сарафан, пригладила волосы и выскочила во двор. Бертран обливался водой, оттащив ведро к самому забору и поливая на себя из глубокого ковша.

– Ух, хорошо! Как же тут здорово, а я и забыл совсем! – крикнул он Мийке, надевая рубаху. – А как ты меня сюда привела? Я не помню!

– Совсем ничего не помнишь, что вчера было? – осторожно спросила Мийка.

– Совсем. Как мы у Берты оказались?

– Вы вчера вернулись, у тебя Лорд задурил... – всё так же осторожно начала Мийка.

– Этот может! Да, это я помню. Ты мне ещё травы для него дала.

– Я не давала! Это ты у меня выхватил и съел!

– Я? Траву?

– Ну, не ты. Конь твой. Ты выхватил, а он съел. А трава нужная была! А потом кружку с квасом у меня отобрал, и выпил! А он не для тебя был!

– А для кого?

– Для, для... Для меня! Я туда травки специальные добавила, хотела на себе проверить, как подействует.

– А проверила на мне, – догадался Бертран. – И как подействовало?

– Плохо, – вздохнула Мийка. – Пришлось тебя к бабушке вести, чтобы помогла действие снять. Проснись-траву же твой конь слопал, а она нужна была.

– Ничего не помню... Я хотя бы не дрался, не ругался, тебя не обижал?

– Нет. Ты стихи сочинял... плохие, – хихикнула, вспомнив, Мийка. – И говорил странное, про ланиты.

– А что это? – изумился Бертран.

– Не знаю... Кажется, щёки.

– Зверское зелье! Хорошо, что ты не выпила!

– Да я и не стала бы без проснись-травы...

– Дети, есть хотите? – выглянула в окошко бабушка. И они, почувствовав, что голодные, пошли в дом.

И только за столом, намазывая мёдом толстый ломоть хлеба, Мийка спохватилась: а ведь с Бертраном что-то не так. Где презрительная гримаса и высокомерный взгляд? Где этот гордец и насмешник? С ней за столом сидел вполне симпатичный парень, жевал свою краюху с мёдом, улыбался белозубо, весело поглядывал голубыми глазами. Неужели осталось побочное действие от зелья?

– Мийка, а помнишь, как мы тут детьми всё облазили? Ты

нам ещё рыбные и ягодные места показала?

– Помню. А ты сказал, что ягодки собирать – для девчонок забава, а в нашем мутном омуте ничего не водится, кроме головастиков.

– Помню, дурак был! Вдруг заревновал, что Михай к тебе прикипел, а я вроде третьего лишнего. Вот и отгонял тебя от него...

– У тебя хорошо получалось, – хмыкнула Мийка.

– Ну говорю же, дурак! А покажешь мне те места, которые Михай показывала? Помнишь, где лисята были?

– Так позднее лето уже, лисята выросли...

– Всё равно покажи!

И это был чудесный день! Мийка водила Бертрана на дальние ягодники, где ещё попадались переспевшие сладкие ягоды малины. Отыскала старую лисью нору – действительно, уже пустую. Показывала птиц и учила различать их по голосам.

А ближе к вечеру они вдвоём, отыскав в чулане заброшенные, но крепкие ещё снасти, пришли к омуту и надёргали ведёрко крупных серебристых карасей.

А потом просто сидели в тени старого вяза и смотрели на закат.

– Боги Вышние, как же здесь хорошо! – Бертран откинулся на шершавый ствол и потянулся. – Спасибо тебе.

– За что?

– За красоту эту. За то, что сюда привела и всё показала.

Вообще за то, что ты есть.

– Бертран... – растерялась Мийка. Неужели приворот всё-таки действует? – Ты сейчас серьёзно? Или просто момент такой?

– И момент, и серьёзно. Иди сюда! Смотри, красота какая!

Он притянул девушку к груди таким уверенным жестом, словно давно уже так делал и давно определил её место вот тут, у себя под рукой и напротив сердца. Мийка притихла ошеломлённо: вот это да! Такой Бертран ей понравился. И понравился... очень. Без презрительно высокомерной гримасы и отстраняющей усмешки, весёлый, пытливый, озорной. Он так смешно передразнивал дрозда! Смешно и похоже. Раньше неё заметил лису в зарослях и показал Мийке, радуясь совсем по-детски. А с каким азартом он соревновался, у кого крупнее попадётся карась! Он весь день был таким живым, естественным, настоящим! Он был... своим.

А ещё он очень хорошо пах – прижатая к груди Мийка отчётливо различала запах его тела. Чуть терпкий, с полынной ноткой, слегка пьянящий. И такому, настоящему, Бертрану очень не хотелось врать.

– Бертран, я должна тебе сказать...

– Не надо, я всё понимаю, – он легко поцеловал Мийку в висок. – Вернёмся в терем, пришло к старой Берте сватов. И у князя про тебя попрошу.

– Бертран, да выслушай! – вывернулась Мийка из тёплых и уже родных объятий. – Не надо никого посылать! Это всё

не по-настоящему! Это я тебя приворожила! Нечаянно...

– Приворожила, – кивнул Бертран. – Я сразу это почувствовал.

– Сразу? – заморгала Мийка. А что же он тогда придумывался, да так убедительно? Стихи сочинял...

– Мне самому перед собой стыдно было – втрескался в лесную девчонку, полудикую босячку. Но я сразу, как увидел тебя, так и зацепился. Сначала думал, что из-за ревности к Михая: он всё же мой брат и лучший друг!

– Брат? – расслышала удивительное Мийка.

– Да, князь и мне отец. А матушка из знающих была. Как ты и Берта, бабка твоя, травами лечила. Красавица! Князь говори, я похож на неё. Она меня отцу семилетним отдала, а сама ушла куда-то. Отец говорил, Дар позвал, нельзя не отвечать.

– Да, так бывает, – согласилась Мийка. – Твоя мама не просто знающей, она ведуньей была, если Дар позвал.

– Ты откуда знаешь? Тебя тоже зовёт? – нахмурился Бертран.

– Меня – нет, я же просто травница. Лесная босоногая девчонка, ты правильно сказал.

– Да! И когда я понял, что у меня в животе каждый раз горячо становится, когда тебя вижу, я испугался. И начал тебя отгонять.

– Так, погоди! – тряхнула головой Мийка, соображая. – Ты сейчас про то лето говоришь? Когда бабушка Михая ле-

чила? И ты тогда меня всё время девчонкой обзывал и не хотел в ваши игры пускать?

– Ну да, – вздохнул Бертран. – Я же говорю – дурак был.

– А потом чего не поумнел? – прищурилась Мийка. – Я пока в тереме жила, тоже что-то особого расположения к себе не заметила! Смотрел на меня как на недоразумение!

– Тянуло меня к тебе очень, – вздохнул Бертран. – Особенно когда ты с девчонками пела – сердце таяло. Но тут я отца вспоминал и матушку, которая меня оставила и ушла, думал, что и ты однажды уйдёшь. И не хотел опять чувствовать себя брошенным и неважным.

– Глупый! – погладила его по щеке Мийка. – Ведуньи ведь себе судьбы не выбирают. Пришло время – идут в Изначальный Лес, и там мудрости и силы набираются. И тут уже никто удержать не может, ни мужчина любимый, ни дитя желанное. Изначальный Лес призывает и притягивает, если не пойти – всю жизнь тоска на сердце будет.

– Ты откуда про это так точно знаешь?

– В Школе рассказывают. Чтобы распознали, если начнётся. Но у меня не начнётся, я просто травница. А у нас там знающие и ворожеи тоже есть. Их позвать может.

– Слава Вышним Богам, – выдохнул Бертран, целуя Мийку в макушку. – Я сватов засылаю. Пойдёшь за меня?

Мийке очень хотелось сказать «Пойду». Бертран с каждым словом становился всё роднее. До неё вдруг дошло, что всё это время она заставляла себя не обращать внимания на

его усмешки и высокомерие, потому что они её задевали гораздо сильнее, чем она думала. И внимание Михея хотела получить, чтобы этот «задавака» понял, что не такое она ничтожество, если стоит внимания княжича. Получается, она тоже в него влюбилась ещё тогда, тем летом? И не хотела себе признаваться, чтобы не изводить себя зря?

Но насколько всё-таки сейчас с ней говорит настоящий Бертран? А не Бертран, одурманенный приворотным зельем? Да, на идиота он теперь не похож, смотрит ясно, говорит разумно. Но вдруг всё равно это из-за зелья всё вот так теперь вспоминается, романтично? А пройдёт третий день, и остынет он к Мийке, и презрительно скривит губы в её сторону?

– Подожди сватов засылать! – решительно отодвинулась Мийка. – Признаться тебе хочу. В квас, что ты у меня забрал и выпил, я добавила зелье приворотное.

– Зачем?

– Нам в школе задание дали сделать практическую работу по зельям. И я придумала настой, который вызывает влюблённость и романтические настроения. Его нужно было дать кому-нибудь не из школы, понаблюдать за эффектом, а потом дать нейтрализатор. Я совсем слабый раствор сделала, только чтобы мне комплименты говорили и чувствовали ко мне симпатию. И проснись-траву приготовила, чтобы поджечь и от её запаха приворот закончился. А ты всё спутал: и траву отобрал, и квас без спросу выпил.

– И чего же я вчера на самом деле натворил? – хмыкнул Бертран.

– Ходил за мной хвостом. Смотрел преданно. Говорил, что жизни без меня нет, я свет твоих очей и всё такое. Потом стихи сочинял такие же, про неземную ко мне любовь. На колени бухался, за руку меня хватал. И ни минуты не мог без меня оставаться.

– В общем, вёл себя, как полный придурок.

– Ну, да. Я испугалась, зелье на тебя совсем не так подействовало, как должно было. И пошла к бабушке, чтобы помогла.

– Что, и старую БERTУ я вчера развлёк? – хмыкнул Бертран.

– Нет, не развлёк. Когда ты вчера у неё моей руки начал просить, я поняла, что дело совсем плохо. И попросила здешнюю Силу Изначальную снять с тебя приворот. Потому что проснись-травы до полнолуния не будет, а само пройти через три дня должно. И кто знает, что с тобой за три дня сделалось бы, если ты от зелья так себя потерял!

– Себя потерял, тебя нашёл! – остановил её Бертран. – И слава Богам Вышним, что так дело повернули! Завтра же засылаю сватов!

– Не надо завтра, – умоляюще посмотрела Мийка. – А вдруг Сила не всё сняла, и это сейчас в тебе зелье говорит, а не ты?

– Да я это говорю, я!

– Ты не можешь знать точно... И я не могу. Вот если бы проснись-травы тебе дать, она всё точно снимет. Но она только в полнолуние в силу войдёт.

– Хорошо, – опять притянул её к себе Бертран, и Мийка с удовольствием прижалась к широкой груди парня. – Ждём полнолуния, ты собираешь эту свою траву, кормишь меня ею...

– Не кормлю! Высушиваю и поджигаю, чтобы ты запах дыма почуял.

– Неважно! Делаешь свои противоположные дела, успокаиваешься. И я засылаю сватов!

– Если не пройдёт желание, – тихо сказала Мийка. Потому что если она сейчас поверит, а Бертран очнётся и передумает, будет слишком трудно его отпускать.

– Миямира, и чем вы сама объясняете отклонение действия зелья от задуманных параметров?

Наставница Геруда была строга и дотошлива. Вот и теперь, прочитав описание Мийкиной практической работы, она решила разобраться с каждой неясностью.

– Возможно, я не учла, что для разных людей травы нужно смешивать в разных пропорциях... Или что-то из сопутствующих условий: возможно, не в квас нужно было добавлять, а в взвар. Или кружку брать не глиняную, а из липы...

– Нет, это не существенно. Жидкости-носители и материал ёмкости на качество зелья не влияют. Пропорции – да,

могут отразиться на поведении испытуемого, но не столь радикально. Другие комплименты, другие поводы для внутренней к вам симпатии – и только. Но не настолько сокрушительная влюбчивость, переходящая в зависимость. Какие ещё дополнительные факторы искажения приворота вы можете предположить?

Мийка задумалась...

– Да он и без приворота был в тебя влюблён, дуручка! – не выдержала Линка.

– Лионелла, умеете сдерживаться. За подсказки с места буду штрафовать – осадила Линку Геруда. – Но ваша подруга, Миямира, совершенно права. Записывайте – повернулась она к залу – или запоминайте. Действие любого приворотного зелья, даже самой слабой концентрации, на объект, усиливается и искажается прямо пропорционально силе чувства у объекта к субъекту приворота.

– То есть, если парень и так уже был влюблён, то даже капля приворота сделает его придурком? – перевела фразу практичная Валюнка.

– Валюнея, выбирайте слова! Вы будущая выпускница самой престижной Школы государства! Но суть вы уловили верно: малейшее собственное чувство испытуемого в адрес Миямиры стало разрастаться до чрезмерных проявлений. Проще говоря, объект приворота стал зависимым от субъекта. И это всем нужно учитывать в своей работе: прежде чем делать приворотное зелье романтической направленности

сти, для себя или, тем более, для заказчика, убедитесь, что в объекте нет никаких романтических чувств в отношении субъекта. И ещё момент: важно, с какими мыслями готовилось зелье, какой образный ряд транслировал изготовитель зелья, когда соединял компоненты. Этот образный ряд задаёт развитие наведённой привязанности.

– Вот как ей удаётся даже о любви говорить так, что мухидохнут, – пробормотала Линка и погладила обложку очередной книжки.

Пылкий юноша на обложке прижимал одну руку к сердцу, а вторую протягивал в сторону красотики в углу страницы. Видимо, клялся ей в неземной любви.

А Мийка, улыбалась, глядя в тетрадь. Сколько там до полнолуния осталось? Два дня? Нет, это долго. Да и не нужна теперь проснись-трава, и без неё всё стало ясно. Она сегодня же пойдёт в терем. И скажет Бертрану, что всё у них по-настоящему.

Ведь чего она попросила у Силы Изначальной? Чувства чистого, из души идущего. Просила убрать морок, оставить чистый свет! Так какого ей ещё надо?

Самая настоящая у них любовь, получается. Безо всяких её глупых приворотов. А что касается пылких слов и романтики... Будем считать, что она у них уже была.

Москва, февраль 2019 г.